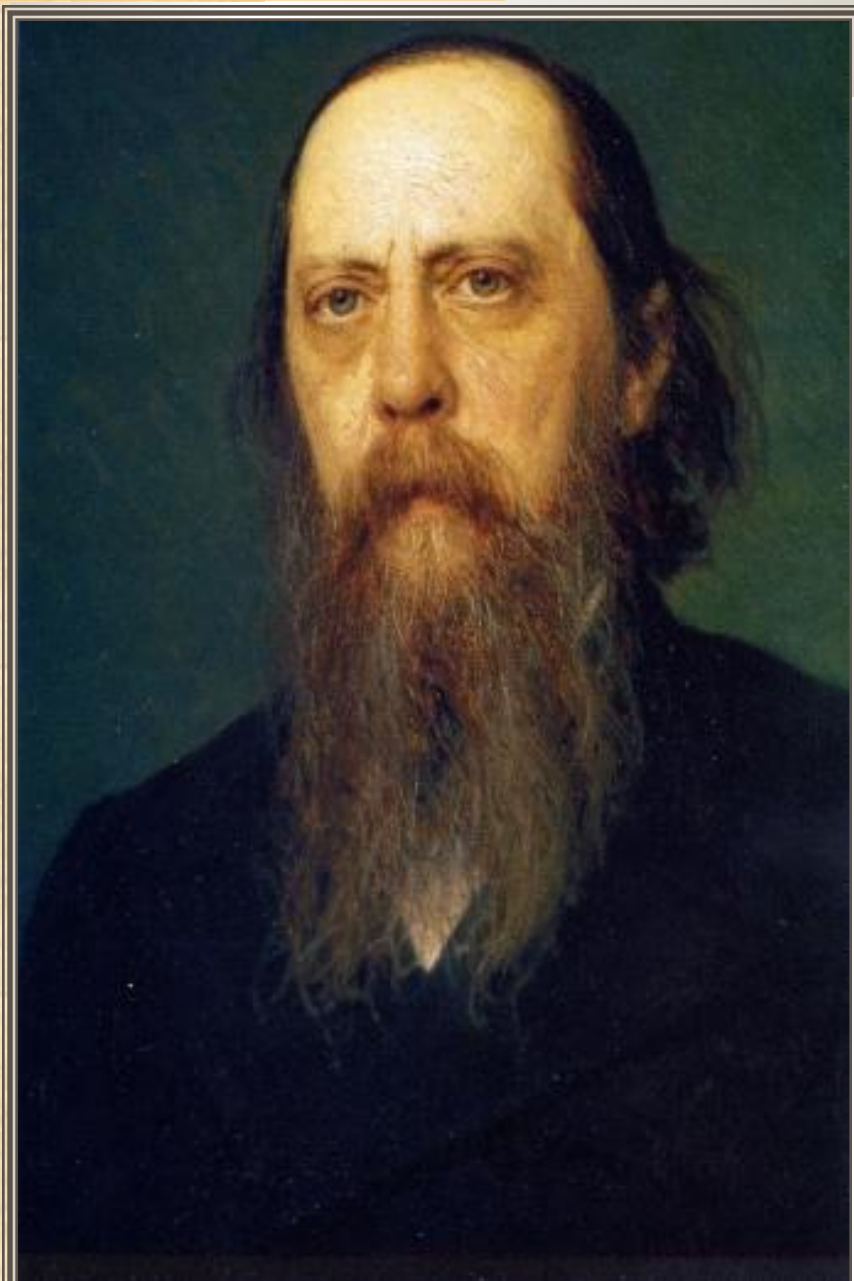

Тема урока

- 1.Сведения из биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина
2. «История одного города» (обзор)
- 3.Гипербола и гротеск как способы изображения действительности.

**М. Е. Салтыков-
Щедрин
1826 - 1889**

***Его преследуют хулы:
Он ловит звуки
одобренья Не в
сладком ропоте хвалы,
А в диких звуках
одобренья.***

Н. А. Некрасов.

Мать, Ольга
Михайловна,
урожденная Забелина

Отец, коллежский
советник Евграф
Васильевич

Детские годы прошли в родовом имении отца в "...годы... самого разгара крепостного права", в одном из глухих углов "Пошехонья". Ни отец, ни мать не занимались воспитанием, и дети не знали, что такое материнская ласка и теплое слово отца. Вот в такой обстановке рос Михаил Салтыков. Но в детстве все же были два обстоятельства, которые благоприятствовали его развитию и сохранению искры Божией, которая потом так ярко горела. Первое обстоятельство, впрочем, было отрицательного свойства- он рос отдельно, и за ним не было никакого надзора. Оно дало, однако, положительные результаты: он больше думал, сосредоточивался в мыслях на себе и стал самостоятельно читать. Второе обстоятельство, которое оказало, без сомнения, решающее значение в формировании его нравственного облика- это чтение Евангелия. Салтыков вспоминал о чтении Евангелия как о «животворном луче», внезапно ворвавшемся в его жизнь и осветившем и его собственное существование. Ему было тогда 8-9 лет.

Получив хорошее домашнее образование, Салтыков в 10 лет был принят пансионером в Московский дворянский институт, где провел два года.

В 1838 переведен в Царскосельский лицей. Здесь начал писать стихи, испытав большое влияние статей Белинского и Герцена, произведений Гоголя.

В 1844 после окончания лицея служил чиновником в канцелярии Военного министерства. *"...Везде лг, везде принуждение, везде скука и тожь..."* — такую характеристику дал он бюрократическому Петербургу. Другая жизнь более привлекала Салтыкова: общение с литераторами, посещение "пятниц" Петрашевского, где собирались философы, ученые, литераторы, военные, объединенные антикрепостническими настроениями, поисками идеалов справедливого общества.

Первые повести Салтыкова "Противоречия" (1847), "Запутанное дело" (1848) своей острой социальной проблематикой обратили на себя внимание властей, напуганных французской революцией 1848. Писатель был выслан в Вятку за "...вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу...". В течение восьми лет жил в Вятке, где в 1850 был назначен на должность советника в губернском правлении..

В конце 1855, после смерти Николая I, получив право "проживать где пожелает", возвратился в Петербург и возобновил литературную работу. В 1856 — 1857 были написаны "Губернские очерки", изданные от имени "надворного советника Н. Щедрина", ставшего известным всей читающей России, назвавшей его наследником Гоголя. В это время женился на 17-летней дочери вятского вице-губернатора, Е. Болтиной.

Елизавета Аполлоновна - жена

Константин - сын

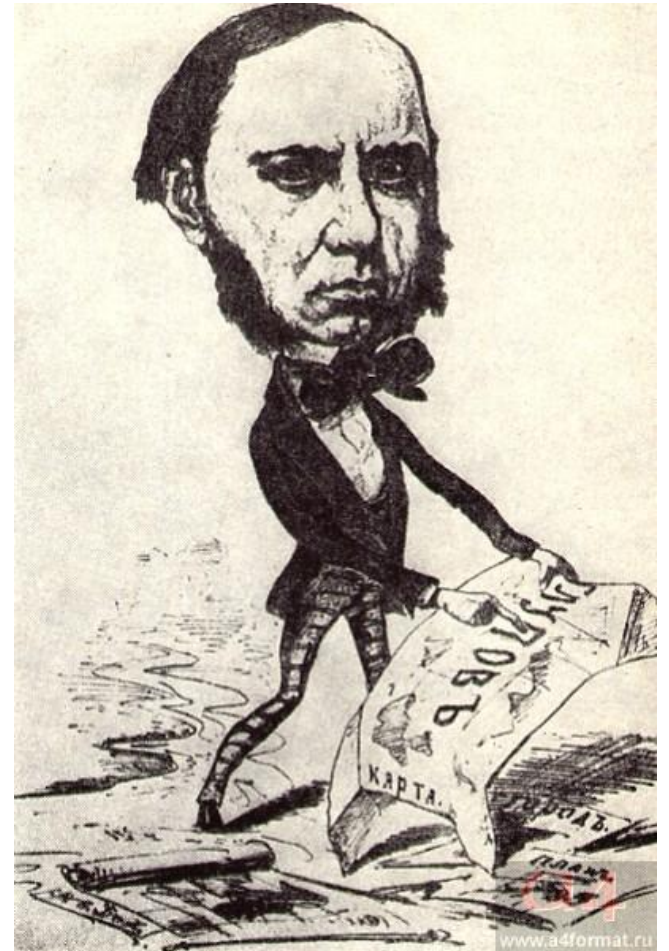
Елизавета - дочь

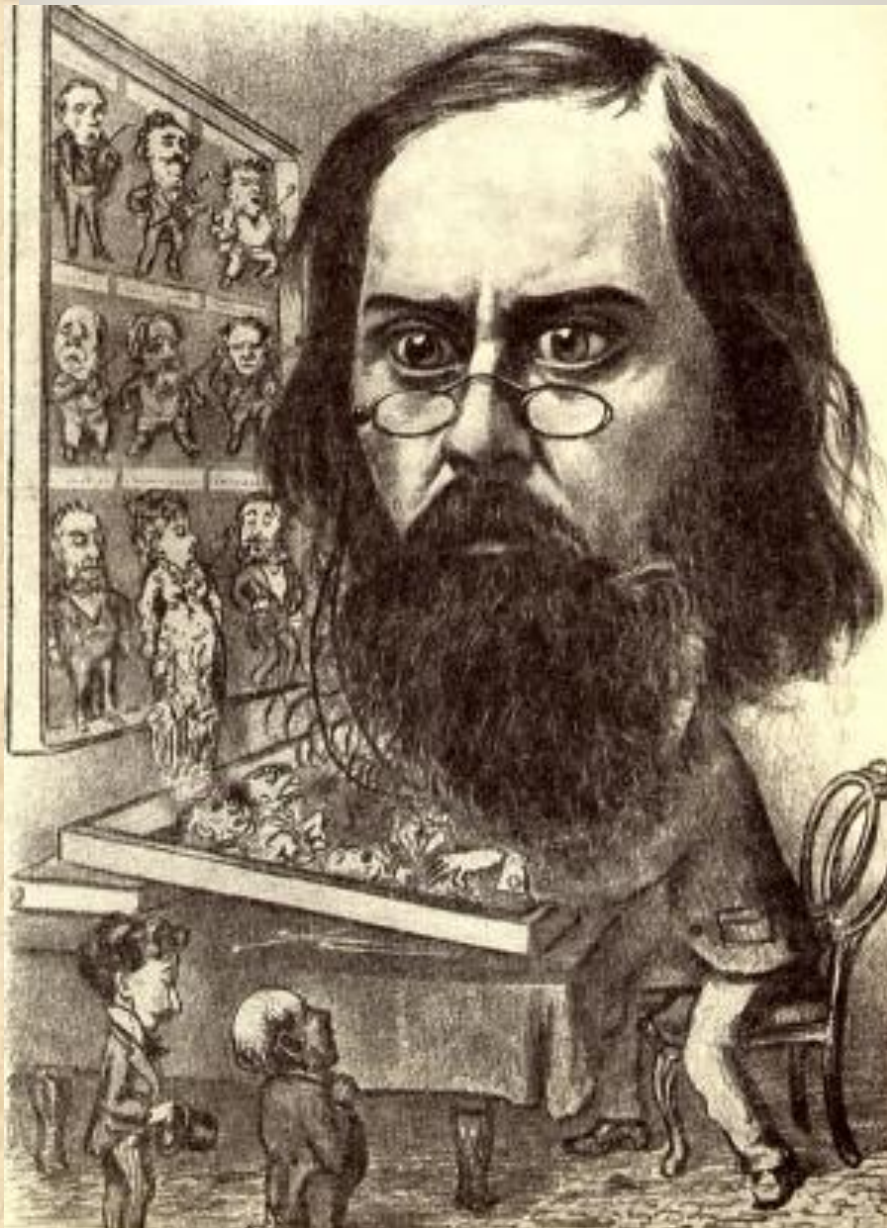

В 1858 — 1862 служил вице-губернатором в Рязани, затем в Твери. В 1862 писатель вышел в отставку, переехал в Петербург и по приглашению Некрасова вошел в редакцию журнала "Современник", который в это время испытывал огромные трудности (Добролюбов скончался, Чернышевский заключен в Петропавловскую крепость). Салтыков взял на себя огромную писательскую и редакторскую работу.

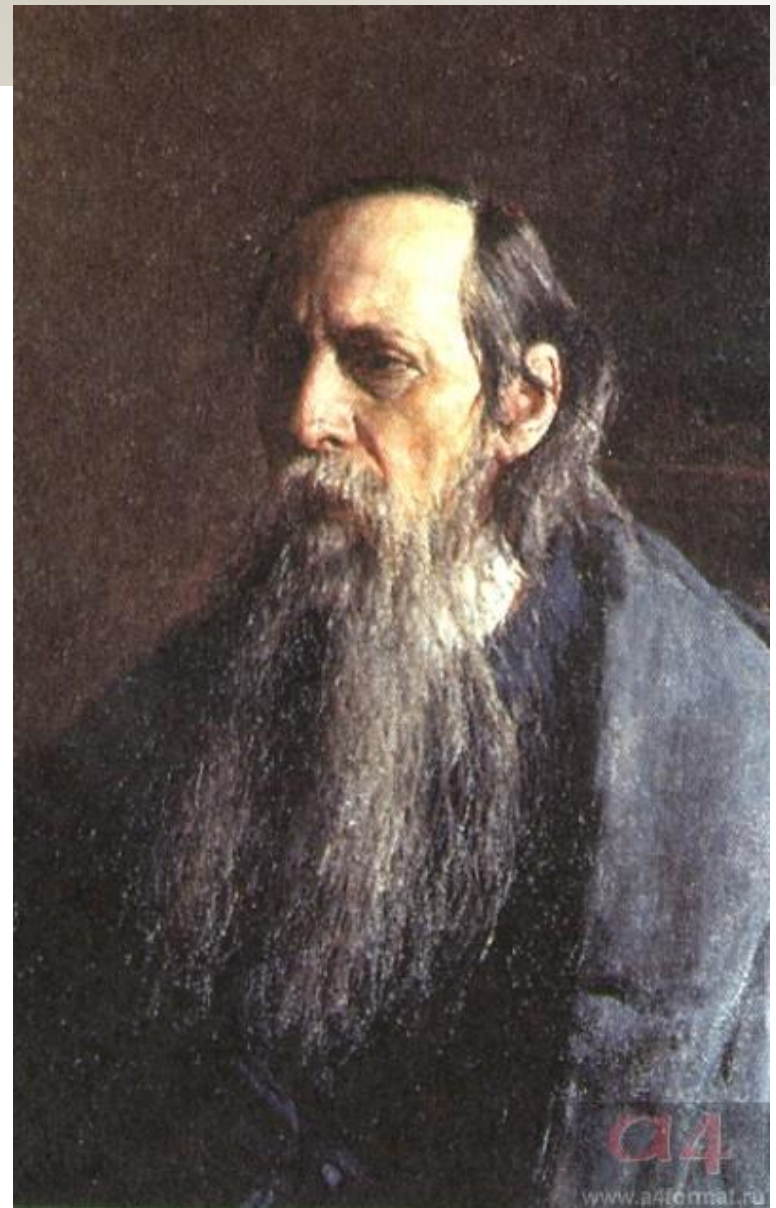
В 1865 — 1868 возглавлял Казенные палаты в Пензе, Туле, Рязани. Частая смена мест службы объясняется конфликтами с начальниками губерний, над которыми писатель "смеялся" в памфлетах-гротесках. После жалобы рязанского губернатора Салтыков в 1868 был отправлен в отставку. Переехав в Петербург, принял приглашение Н. Некрасова стать соредактором журнала "Отечественные записки", где работал в 1868 — 1884. Салтыков теперь целиком переключился на литературную деятельность. В 1869 пишет "Историю одного города" — вершину своего сатирического искусства.

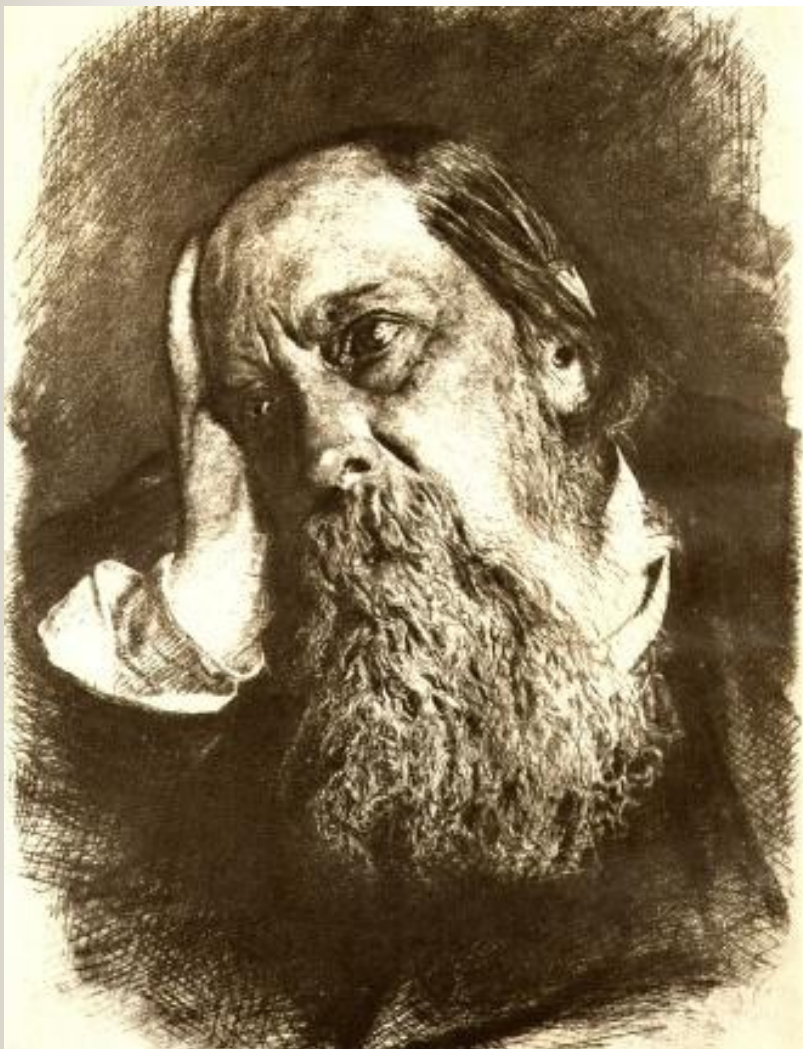

В 1880-е сатира Салтыкова достигла кульминации в своем гневе и гротеске: "Современная идиллия" (1877 — 83); "Господа Головлевы" (1880); "Пошехонские рассказы" (1883). В 1884 журнал "Отечественные записки" был закрыт, после чего Салтыков вынужден был печататься в журнале "Вестник Европы".

**В последние годы жизни писатель создал свои шедевры:
"Сказки" (1882 — 86);
"Мелочи жизни" (1886 — 87);
автобиографический роман "Пошехонская старина" (1887 — 89).**

За несколько дней до смерти он написал первые страницы нового произведения "Забывтые слова", где хотел напомнить "пестрым людям" 1880-х об утраченных ими словах: "совесть, отечество, человечество... другие там еще...".

Умер М. Салтыков-Щедрин 28 апреля (10 мая н.с.) 1889 в Петербурге.

2. «История одного города»

Краткое содержание романа.

Данная повесть — «подлинная» летопись города Глупова, «Глуповский Летописец», обнимающая период времени с 1731 по 1825 г., которую «преемственно слагали» четыре глуповских архивариуса. В главе «От издателя» автор особенно настаивает на подлинности «Летописца» и предлагает читателю «уловить физиономию города и уследить, как в его истории отражались разнообразные перемены, одновременно происходившие в высших сферах».

«Летописец» открывается «Обращением к читателю от последнего архивариуса летописца». Архивариус видит задачу летописца в том, чтобы «быть изобразителем» «трогательного соответствия» — власти, «в меру дерзующей», и народа, «в меру благодарящего». История, таким образом, представляет собой историю правления различных градоначальников.

Сначала приводится глава доисторическая «О корени происхождения глуповцев», где повествуется о том, как древний народ головоотяпов победил соседние племена моржеедов, лукоедов, кособрюхих и т. д.

Но, не зная, что делать, чтобы был порядок, головотяпы пошли искать себе князя. Не к одному князю обращались они, но даже самые глупые князья не хотели «володеть глупыми» и, поучив жезлом, отпускали их с честью. Тогда призвали головотяпы ворановотора, который помог им найти князя. Князь «володеть» ими согласился, но жить к ним не пошёл, послав вместо себя ворановотора. Самих же головотяпов назвал князь «глуповцами», отсюда и пошло название города. Глуповцы были народом покорным, но новотору нужны были бунты, чтобы их усмирять. Но вскоре он до того проворовался, что князь «послал неверному рабу петлю». Но новотор «и тут увернулся: <...> не выждав петли, зарезался огурцом».

Присылал князь и ещё правителей — одоевца, орловца, калязинца, — но все они оказались сущие воры. Тогда князь «... прибых собственною персоною в Глупов и возопи: „Запорю!“». С этими словами начались исторические времена».

Далее следует «Опись градоначальникам в разное время в город

Глушов от вышнего начальства поставленным», после чего подробно приводятся биографии «замечательнейших градоначальников».

В 1762 г. в Глушов прибыл Дементий Варламович Брудастый. Он сразу поразил глушовцев угрюмостью и немногословием. Его единственными словами были «Не потерплю!» и «Разорю!». Город терялся в догадках, пока однажды письмоводитель, войдя с докладом, не увидел странное зрелище: тело градоначальника, как обычно, сидело за столом, голова же лежала на столе совершенно пустая. Глушов был потрясён. Но тут вспомнили про часовых и органных дел мастера Байбакова, секретно посещавшего градоначальника, и, призвав его, все выяснили. В голове градоначальника, в одном углу, помещался органчик, могущий исполнять две музыкальные пьесы: «Разорю!» и «Не потерплю!». Но в дороге голова отсырела и нуждалась в починке. Сам Байбаков справиться не смог и обратился за помощью в Санкт-Петербург, откуда обещали выслать новую

голову, но голова почему-то задерживалась. Настало безначалие, окончившееся появлением сразу двух одинаковых градоначальников. «Самозванцы встретили и смерили друг друга глазами. Толпа медленно и в молчании разошлась». Из губернии тут же прибыл рассыльный и забрал обоих самозванцев. А глуповцы, оставшись без градоначальника, немедленно впали в анархию.

Анархия продолжалась всю следующую неделю, в течение которой в городе сменилось шесть градоначальниц. Обыватели метались от Ираиды Лукиничны Палеологовой к Клемантинке де Бурбон, а от неё к Амалии Карловне Штокфиш. Притязания первой основы вались на кратковременной градоначальнической деятельности её мужа, второй — отца, а третья — и сама была градоначальнической помпадуршей. Притязания Нельки Лядоховской, а затем Дуньки-толстопятой и Матренки-ноздри были ещё менее обоснованны. В перерывах между военными действиями глуповцы сбрасывали

с колокольни одних граждан и топили других. Но и они устали от анархии. Наконец в город прибыл новый градоначальник — Семен Константинович Двоекуров. Его деятельность в Глупове была благотворна. «Он ввёл медоварение и пивоварение и сделал обязательным употребление горчицы и лаврового листа», а также хотел учредить в Глупове академию. При следующем правителе, Петре Петровиче Фердыщенко, город процветал шесть лет. Но на седьмой год «Фердыщенко смутил бес». Градоправитель воспылал любовью к ямщицкой жене Аленке. Но Аленка ответила ему отказом. Тогда при помощи ряда последовательных мер мужа Аленки, Митьку, заклеямили и отправили в Сибирь, а Аленка образумилась. На Глупов же через градоначальниковы грехи обрушилась засуха, а за ней пришёл и голод. Люди начали умирать. Пришёл тогда конец и глуповскому терпению. Сначала послали к Фердыщенко ходока, но ходок не вернулся. Потом отправили прошение, но и это не помогло. Тогда добрались-таки до Аленки, сбросили

и её с колокольни. Но и Фердыщенко не дремал, а писал рапорты начальству. Хлеба ему не прислали, но команда солдат прибыла. Через следующее увлечение Фердыщенки, стрельчиху Домашку, в город пришли пожары. Горела Пушкарская слобода, за ней слободы Болотная и Негодница. Фердыщенко опять стушевался, вернул Домашку «опчеству» и вызвал команду. Закончилось правление Фердыщенки путешествием. Градоправитель отправился на городской выгон. В разных местах его приветствовали горожане и ждал обед. На третий день путешествия Фердыщенко умер от объедания. Преемник Фердыщенки, Василиск Семенович Бородавкин, к должности приступил решительно. Изучив историю Глупова, он нашёл только один образец для подражания — Двоекурова. Но его достижения были уже забыты, и глуповцы даже перестали сеять горчицу. Бородавкин повелел исправить эту ошибку, а в наказание прибавил прованское масло. Но глуповцы не поддавались. Тогда Бородавкин отправился в военный поход на Стрелецкую слободу. Не все в девятидневном походе было

удачно. В темноте свои бились со своими. Многих настоящих солдат уволили и заменили оловянными солдатиками. Но Бородавкин выстоял. Дойдя до слободы и никого не застав, он стал растаскивать дома на бревна. И тогда слобода, а за ней и весь город сдались. Впоследствии было ещё несколько войн за просвещение. В целом же правление привело к оскудению города, окончательно завершившемуся при следующем правителе, Негодяеве. В таком состоянии Глупов и застал черкешенин Микеладзе. В это правление не проводилось никаких мероприятий. Микеладзе отстранился от административных мер и занимался только женским полом, до которого был большой охотник. Город отдыхал. «Видимых фактов было мало, но следствия бесчисленны». Сменил черкешенина Феофилакт Иринархович Беневоленский, друг и товарищ Сперанского по семинарии. Его отличала страсть к законодательству. Но поскольку градоначальник не имел права издавать свои законы, Беневоленский издавал законы

тайно, в доме купчихи Распоповой, и ночью разбрасывал их по городу. Однако вскоре был уволен за сношения с Наполеоном. Следующим был подполковник Прыщ. Делами он совсем не занимался, но город расцвёл. Урожаи были огромны. Глуповцы насторожились. И тайна Прыща была раскрыта предводителем дворянства. Большой любитель фарша, предводитель почуял, что от головы градоначальника пахнет трюфелями и, не выдержав, напал и съел фаршированную голову. После того в город прибыл статский советник Иванов, но «оказался столь малого роста, что не мог вмещать ничего пространного», и умер. Его преемник, эмигрант виконт де Шарио, постоянно веселился и был по распоряжению начальства выслан за границу. По рассмотрении оказался девицею. Наконец в Глупов явился статский советник Эраст Андреевич Грустилов. К этому времени глуповцы забыли истинного Бога и прилепились к идолам. При нем же город окончательно погряз в разврате и лени. Понадеявшись на своё счастье, перестали сеять,

и в город пришёл голод. Грустилов же был занят ежедневными балами. Но все вдруг переменилось, когда ему явилась она. Жена аптекаря Пфейфера указала Грустилову путь добра. Юродивые и убогие, переживавшие тяжёлые дни во время поклонения идолам, стали главными людьми в городе. Глуповцы покаялись, но поля так и стояли пустые. Глуповский бомонд собирался по ночам для чтения г. Страхова и «восхищения», о чем вскоре узнало начальство, и Грустилова сместили. Последний глуповский градоначальник — Угрюм-Бурчеев — был идиот. Он поставил цель — превратить Глупов в «вечно-достойная памяти великого князя Святослава Игоревича город Непреклонск» с прямыми одинаковыми улицами, «ротами», одинаковыми домами для одинаковых семей и т. д. Угрюм-Бурчеев в деталях продумал план и приступил к исполнению. Город был разрушен до основания, и можно было приступать к строительству, но мешала река. Она не укладывалась в планы Угрюм-Бурчеева. Неутомимый градоначальник повёл на неё

наступление. В дело был пущен весь мусор, все, что осталось от города, но река размывала все плотины. И тогда Угрюм-Бурчеев развернулся и зашагал от реки, уводя с собой глуповцев. Для города была выбрана совершенно ровная низина, и строительство началось. Но что-то изменилось. Однако тетрадки с подробностями этой истории утратились, и издатель приводит только развязку: «...земля затряслась, солнце померкло <...> Оно пришло». Не объясняя, что именно, автор лишь сообщает, что «прохвост моментально исчез, словно растворился в воздухе. История прекратила течение своё». Повесть замыкают «оправдательные документы», т. е. сочинения различных градоначальников, как-то: Бородавкина, Микеладзе и Беневоленского, писанные в назидание прочим градоначальникам.

3. Гипербола и гротеск как способы изображения действительности

Если в раннем творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина почти отсутствовали приемы резкого сатирического преувеличения, то ко времени создания «Истории одного города» писатель уже максимально использовал необыкновенные сравнения и уподобления, составившие основу его сатирической фантастики. Автор развил все способы типизации, которые воплотились у него в образах глуповских градоначальников.

Так он пришел к созданию гротескного образа, сатирико-фантастического персонажа. Основная функция его преувеличений — выявление сущности человека, подлинных мотивов его речей, поступков и действий. В своем произведении Салтыков-Щедрин направил острые стрелы сатирического обличения в правящую верхушку страны, поставив в центре повествования критическое изображение взаимоотношений власти и народа. Основной целью сатирика было создание обобщенного образа России, в котором синтезируются вековые слабости национальной истории, достойные сатирического освещения, коренные пороки русской государственной и общественной жизни. Именно для наилучшего достижения этой задачи он избрал самую удачную форму — гротеск и фантастику.

Причем эта форма нисколько не искажает действительности, а лишь доводит до парадокса те качества, которые таит в себе бюрократический режим. Художественное преувеличение здесь играет роль своеобразного увеличительного стекла, сквозь которое становится явным все тайное, обнажается истинная суть вещей, укрупняется реально существующее зло. Гипербола помогает Щедрина сорвать покровы действительности, выводя наружу настоящую природу явления. Именно гиперболический образ в наилучшей степени помогал приковать внимание читателя к тем отрицательным сторонам, что уже примелькались и стали привычным.

Кроме того, гиперболическая форма вскрывала все негативное, что только зарождалось в обществе, но еще не приняло своих угрожающих размеров. Такое преувеличение предвосхищало будущее, намекало на то, что будет завтра. С помощью гротеска и фантастики Салтыков-Щедрин ставит диагноз социальным болезням общества, выводит на поверхность все те последствия социального зла, которые еще не проявились, но которые непременно вытекают из существующего строя. Здесь сатирик вступает в «область предвидений и предчувствий». Именно такой пророческий смысл и заключен в образе Угрюм-Бурчеева, в котором объединились в гипертрофированном виде все пороки остальных градоначальников.

Поясняя характер эзоповской формы, включавшей преувеличение и иносказание, автор отмечал, что они не затемняют его мысль, а наоборот, делают ее общедоступной. Писатель отыскивал такие краски и образы, которые врезались в память, живо, доходчиво, рельефно обрисовывали объект сатиры, делали понятнее ее идею. В ответ на критику своей повествовательной манеры, тех образов, которые он использовал, сатирик писал: «Если б вместо слова «органчик» было бы поставлено слово «дурак», то рецензент, наверное, не нашел бы ничего неестественного... Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывающий романсы «не потерплю» и «разорю», а в том, что есть люди, которых все существование исчерпывается этими двумя романсами. Есть такие люди или нет?»

Однако, обличая деспотизм правящих кругов, автор затрагивает и другой вопрос — в каких условиях, благодаря чему возможно процветание такого бюрократического режима. И здесь он уже выступает с сатирой на обитателей Глупова. Эти люди наивны, покорны, слепо верят в начальство, в верховную власть. «Мы люди привышные! — говорят глуповцы. — Мы претерпеть можем. Ежели нас теперича всех в кучу сложить и с четырех концов запалить — мы тогда противного слова не молвим!» Такому народу автор не выказывает ни малейшего сочувствия. Наоборот, он подвергает решительной критике такое бездействие и попустительство. Искреннее сожаление вызывают у автора лишь тщетные попытки той части народа, которая стремится противиться злу, но его старания так наивны и неумелы, что не приносят ни малейшего результата.

Про народ Глупова писатель говорил: «Если он производит Бородавкиных и Угрюм-Бурчеевых, то о сочувствии не может быть и речи».

В сатирическом свете предстает и «история глуповского либерализма» в рассказах об Ионке Козыреве, Ивашке Фарафонтьеве и Алешке Беспятове. Мечтательность и незнание практических путей осуществления своих мечтаний — таковы характерные признаки глуповских либералов. Политическая наивность народа звучит даже в самом его сочувствии своим заступникам: «Небось, Евсеич, небось! — провожают глуповцы в острог правдолюбца Евсеича, — с правдой тебе везде будет жить хорошо!...»

Следует отметить, что в сатире на народ, в отличие от обличения градоначальников, Щедрин строго соблюдает границы той сатиры, которую сам народ создал на себя. Писатель широко использует фольклор, и, как отмечал А. С. Бушмин, чтобы сказать горькие слова обличения о народе, он взял эти слова у самого народа, от него получил санкцию быть его сатириком.

Именно благодаря своей жестокости и беспощадности сатирический смех Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» имеет великий очистительный смысл. Надолго опережая свое время, автор обнажает полную несостоятельность существующего в России полицейско-бюрократического режима.

